

## Раздел II.

### Ноосферные принципы в педагогической культуре и деятельности

С.В. Лещёв

# Феноменология означивания и диахрония знака

*Исследуется феномен означивания в различных контекстах. Феноменологическое рассмотрение применяется для прояснения коррелятивной связи процессов означивания и соответствующих феноменов.*

**Ключевые слова:** *Философия сознания, феноменология, семиотика, когнитивность.*

## **PHENOMENOLOGY OF SIGNIFICATION AND SIGN DIACHRONIC**

*The phenomena of signification in different contexts are investigated in the article. Phenomenological consideration is applied for clarification of correlation between the processes of signification and corresponding phenomena.*

**Keywords:** *Philosophy of consciousness, phenomenology, semiotics, cognition.*

### **Разум и символ**

Ностальгия разума по подлинным, глубинным координатам бытия понуждают его присваивать ноуменам значения и сакрализовать самый этот поиск, проводя его траекториями осмысленности. Изначально инертная, косная материя отображает знаки — смутные образы вещей на поверхности восприятия, алфавит чувственно воспринимаемого мира; позднее, способность к ментальной координации — рассудок — сообразует отдельное чувственное созерцание с гармонией упорядоченного спектра значений, усвоенных ранее. Первоначальные перцепции сливаются с всеобщим контекстом сознания, обретая значения. Однако, сами по себе знаки безвольны до тех пор, пока внутренний логос разума не проймет их энергией символического тяготения в более высоком по-

рядке имманентной связности — знак не теснится более в узком категориальном просвете рассудка, но погружается в символическую глубину разума. Эта метаморфоза обязана своим рождением искусству абстрагирования, умению вглядываться в тени случайных сочетаний знаков и обнаруживать в них объем сочетаемых во едино значений. Аллегория и образ, символ и знак встраиваются творящим разумом в ткань умопостигаемой действительности в той мере, в какой она соответствует характеру его изысканий: логика трансформирует иррациональность образа в рассуждение, вера преобразует метафору в онтологически значимую предметность, искусство воплощает несказанное в воспринимаемых формах, проявляемая на поверхности знаков сущность мира вовлекается воображением в порождение и переживание символов.

Осознавший себя мерой вещей, человек умозаключает от сущего к сущему до тех пор, пока взгляд его не обратится к масштабности его собственных суждений. Однажды он понимает, что «мера» случайна, гармония хрупка, взор скован вещами и только свободно парящий разум схватывает созерцаемое многообразие переживаемых значений в символическом единстве образа, метафоры, аллегии. Символ, образ, миф — последний рубеж человека перед хаосом знаков и значений, и этот рубеж создается трижды: как чувственное (мифологическое), рассудочное (мифо-философское) и разумное (философски-научное) сопротивление недифференцированности феноменов — знаков

#### **Сведения об авторе**

**Сергей Валерьевич Лещёв,**  
доктор философских наук, профессор НИЯУ МИФИ  
(Национальный Исследовательский  
Ядерный университет «МИФИ»), академик РАЕН  
Тел.: +7(916) 820 80 76  
E-mail: sergonto@gmx.net

**Sergey V. Leshchev,**  
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,  
Moscow Engineering Physics Institute  
Tel.: +7(916) 820 80 76  
E-mail: sergonto@gmx.net

сознания. Именно поэтому на ранних стадиях философия конкурирует с мифом и образом и пользуется ими в своих объяснительных схемах, а наука прямо полагает мифы в свое основание в виде аксиоматических понятий и постулатов.

Информационно-коммуникационная технологическая революция трансформирует отношения разума с мифом, знаком, символом. «С появлением концепций ‘оразумнивания среды’, ‘нейрокомпьютерного интерфейса’, ‘искусственного интеллекта’ возникает новая топология механизмов репрезентации и принятия решений, новые формулы субъективности, рациональности, разума; интеллект обретает новые метафорические атрибуты – ‘фоновый’, ‘окружающий’, ‘распределенный’, ‘сетевой’. Высокотехнологические, ‘искусственно-интеллектуальные’ экосистемы умных городов задействуют множество наукоемких инженерных решений, подразумевающих тотальную научную интердисциплинарность, технологическую конвергенцию, информационную синергию. Подобная коэволюция ‘разумности’ со ‘средой’ диверсифицирует естественную логику применимости понятий и адекватности аналогий» [1]. Природа знака, как и вся проблема референции, испытывает «информационный дрейф».

### Время и пространство феномена знака

Знак предполагает узнавание. Однако, логика узнавания апеллирует в своей активности не к *нечто* или *ничто*, но к воображению. Мнящаяся действительность «полноценна», реальна для разума, как всякий феномен сознания, как отображенный в сознании знак. Где *есть* или *не есть*, но *представляются* сущие, там познание обретает знаки и их отношения. Соотнесение сущих в их бытии сущими извлекается как *оформленное знаемое*, примером чего служит всякая математическая формулировка физического закона. Именно здесь следует сказать о том праве, следуя которому сущее упоминается как таковое в обход сказанного о его знаковой репрезентации как ментального феномена. Из того, что мир есть всегда *мой* мир, следует опосредованность мира сознанием. Это по-средство подразумевает: чему не по-средствует сознание, то не есть мое, и, следовательно, не есть в *моем* мире. Мой же мир есть тот мир, который мной знаем; в мире, который мне знаком, сущее является знаком. Тем самым, моим, т.е. знаковым, предстает всякое сущее по мере моего обращения к нему. Но и мое обращение к этому сущему вовлечено в бытие *знаковым* – оно интенционально.

Таким образом, буднее означивание всякого сущего контекстуально, идеологично, символично, и порождает мир значений, комплементарный сущему. Сознание, преломляющее всякое иное сущее в знаковом виде собственных феноменов есть и рефлексивное сознание означенности вся-

кого иного. Иное раскрывается как знак, феномен вследствие знакового способа вопрошания.

Преодоление солипсизма в рассуждении о контекстуальности, символичности нашего усмотрения мира явило нам, как следствие, понимание того, что мир является знаковым миром лишь *с позиции сознания*. Экспликация сказанного выше позволяет ответить на критику подобных нашему способов усмотрения сущего: «Поэтому фраза “человек – существо, оперирующее знаками”, бессодержательна.

Мы знаем, что человек это существо, которое может оперировать всем, чем угодно, но это существо, которое в порядке *рефлексивного* мышления, в порядке описания *своего* рефлексивно мышления, всегда склонно рассматривать свою знаковость не только как бесспорный факт, но и как известное преимущество.

Такое рефлексивное знание о самом себе «не замечает» того обстоятельства, что здесь происходит некоторая элиминация сознания, которая как бы природно связана со всяким знаковым функционированием... Оперирование знаком как знаком не предполагает, что субъект, пробегающий при постоянном ... состоянии сознания те или иные знаковые порядки, *восстанавливает* тот способ извлечения информации из знаковых систем, при котором эти знаковые системы имеют смысл и реально функционируют... В принципе возможно ... говорить о «человеке» и когда «нет знаков». Но эмпирически этого не происходит, ибо это не предусмотрено нормальным режимом рефлексирования человека. Иное же рефлексирование даст принципиально иной результат. И отсюда вытекает, что последовательное анализирование конкретного знакового факта выводит нас из поля знака и переводит в антизнаковость, то есть, возвращает нас в сознание» [2].

Предметом рассмотрения подобной рефлексии является некоторая единица реальности, которую мы назовем знаком. Знак есть такое сущее, которое непременно доступно нам (положительным либо отрицательным модусом доступности). Знак доступен нам физически в качестве некоего реально определенного сущего, на котором никак не отражается его бытие знаком.

Это сущее, таким образом, на первой ступени доступности еще не играет роли знака. Мы замечаем, пред-мечаем, о-предмечиваем случившееся в поле нашего созерцания сущее. Это сущее доступно нам и феноменологически в качестве совокупности осуществленных перцепций и «чисто феноменологически» в качестве идеального конструкта, выверенного феноменологической редукцией.

Эта третья ступень доступности сущего обеспечивает нам необходимую «феноменологическую идеальность» вещи, используемой в качестве знака. Только здесь можно говорить о начале знака. Сущее, в таком его виде, подготовлено к становлению знаком.

Таким образом, бытие знаком подразумевает

в первую очередь отказ сущего от своего первоначального онтологического статуса; действительно: нарисованная стрела, восковая или воображаемая стрела есть для нас лишь некий идеальный конструкт стрелы, коль скоро в качестве функции знака мы выбираем такую его способность как «указывать направление».

Знаком мы называем не всякое сущее, но только то, которое в своей доступности делает доступным и нечто другое. Это нечто может быть как сущим так и событием, ситуацией (т.е. совокупность сущих и их связей). В пользовании знаком как подручным сущим мы обретаем это последнее нечто: так знак осуществляет свою функцию. Таким образом, знак является функционалом, переводящим аффилирующее субъекта сущее в сопоставленное ему (сущему) знание.

Результат, выдаваемый знаком, всегда есть знание, или: знак есть правило перехода от онтологии к гносеологии. Мышление, в свою очередь, определяет бытие, и вновь обретенное знание помогает субъекту справиться с разразившейся перед ним онтологией — однако это уже следствие.

Итак, знак отказывается от первоначального онтологического статуса и обретает статус новый: адресный. Знак по способу своего бытия есть сущее, несущее информацию об ином (сущем, событии, ситуации). Это несущее сущее обладает двумя способами бытия: собственным (т.е. бытием сущего в качестве сущего), и захваченным (т.е. бытием сущего как знака).

Интересен второй способ бытия знака. Знак в качестве знака не есть нечто бытийствующее, но есть нечто передающее через себя знание об ином бытийствующем: в этом смысле в знаке схвачено (захвачено) бытие иного. Здесь знак сам по себе обладает недостаточным бытием, т.е. ему, чтобы остаться не просто сущим, но знаком, необходимо иметь в себе постоянно бытие иного, передавать его способом указывания через себя и быть, таким образом, ему сопричастным.

Сам знак, в качестве такового, висит между бытием, воспринимающим (Dasein) и бытием, могущим быть воспринятым. Модальность “могущим” отнюдь не случайна в подобном рассуждении, ибо только сам знак (т.е. знак в его бытии сущим) воспринимается непосредственно, непосредно, т.е. еще до осознания субъектом знаковой функции этого-вот сущего. Отдален-

ное же (лишь могущее быть воспринятым) бытие обнаруживает себя не непосредственно, но посредством отсрочки — знака. И здесь мы подходим к итогу данного рассмотрения. Знак лишь в его бытии сущим является элементом настоящего: только то, что случается перед блуждающим взором созерцающего случается «здесь и теперь».

Знак же в его бытии знаком (онтологически и гносеологически) есть репрезентант прошлого или будущего, то есть того, что домысливается или предвосхищается, но не того, что есть здесь и сейчас (онто-гносеологические причинности взаимнообратны: онтологически причина предшествует следствию, гносеологически первым проявляется следствие, затем реконструируется причина). Итак, *где и когда* знака есть *не-здесь и не-теперь, т.е., способ бытия знака, именуемый указыванием, есть диахроническое знаковое бытие.*

В свете полученных выводов очевидной становится метафорическая общность проблем соотношения сознания и формирующих его символов, текста и порождаемого им восприятия, знака и его контекстуальной значимости. Сущность символической работы разума сводится к наделению локальных знаковых единств глобальной ассоциативной целостностью, в качестве которой и выступает символ.

Науки, обреченные на использование понятия, и пренебрегающие познавательной силой образа и символа, всегда будут вынуждены помнить о той дистанции, которую понятийное опосредование создает между предметом познания и самим познанием. Дистанцию эту могли бы сократить некие синтетические формы познания, преодолевающие научную дискурсивность: сочетание понятия, метафоры, знака, символа, аллегории могли бы быть продуктивными там, где наука не находит понятийного решения.

Понятно, что проблема эта является общим вопросом как для самой научной сферы, так и для любого рода социальной пропедевтики: школьного и университетского образования, технологий обучения, психологических практик преподавания и т.п. Тематизации в рамках подобной проблематики подлежит целостный подход к системе восприятия, основанный на знаниях феноменологической, психологической, исторической и иных спецификах сознания.

## Литература

1. Лёщев С.В., Миронова Н.Б. Умный интерфейс, разумная среда, искусственный интеллект: метафоры ментализма и энвайронментализма // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 1 (17). — С. 91–97.
2. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. — М. — 1997. — С.90.
3. Лещёв С.В. Интерфейсы социальной экологии от технологической конвергенции к интернету вещей // Философские науки. — 2014. — № 11. — С. 106–113.
4. Лещёв С.В. Транссемиозис «больших данных» в эпоху интернета вещей и конвергентных технологий // Полигнозис. — 2014. — № 47. — С.107–112.
5. Лёщев С.В. Интерсубъективность и коммуникативное действие (неокантианство и постмодернизм прагматики Ю. Хабермаса) // Вопросы философии. — 2013. — № 3. — С. 165–175.